

Социологическая аутопсия: интегрированный подход к посмертному исследованию самоубийств у мужчин.

Авторы: Jonathan Scourfield (Кардиффский университет, Школа социальных наук, здание Гламорган, авеню короля Эдуарда VII, CF10 3WT, Кардифф, Великобритания), Ben Fincham (Университет Сассекса, Великобритания), Susanne Langer (Ливерпульский университет, Великобритания), Michael Shiner (Лондонская школа экономики и политических наук, Великобритания)

Статья вышла online 24 мая 2010 года.

Ключевые слова: суицид, социологическая аутопсия, психологическая аутопсия, мужчины, методология, мужественность/маскулинность, Великобритания.

Краткий обзор: Основная цель данной статьи - обосновать методологический вариант особого подхода к исследованию социологии самоубийства. Статья не только иллюстрирует использование этого подхода, но и приводит краткие примеры важных выводов, свидетельствующих о гендерном характере самоубийств у мужчин. Первая половина статьи объясняет и обосновывает необходимость такого подхода к исследованию. Это смешанный качественный подход и исследование двойной парадигмы индивидуальных самоубийств. Это социологическое исследование, которое продолжает традицию психологической аутопсии суицида, отсюда термин «социологическая аутопсия». Вторая половина статьи приводит краткие иллюстрации результатов из специального исследовательского проекта, который опирался на метод социологической аутопсии. Исследовались сто кейсов о суицидах, полученных у следователя в Великобритании. Обсуждается здравый смысл (разумность) предположений о самоубийствах у мужчин; построение доказательств в следственных документах; типология гендерных самоубийств, где разрыв личных взаимоотношений, скорее всего, послужил основным триггером к самоубийству; ценность подхода с учетом многих случаев, при этом один из случаев обсуждается более детально.

Нет никакой необходимости, чтобы в конце века, так богатого в плане литературы, медицины, психологии и естественнонаучных дисциплин, проводились произвольные (условные) границы между гуманизмом и индивидуальными сложными ситуациями, с одной стороны, и клиническим или научным пониманием, с другой. То, что они связаны друг с другом, должно быть очевидно. Однако очевидно, что существуют и «линии Мажино» (Рэдфилд Джэмисон, 2000:20)

Кэй Рэдфилд Джэмисон, профессор психиатрии в университете Джонса Хопкинса и одновременно сама человек с суицидальным поведением в

анамнезе, пишет здесь о контрастирующих традициях в исследовании самоубийств. Она специально не упоминает социальные науки, но упоминает дисциплинарную и методологическую грань между теми, кто фокусируется на сложных индивидуальных историях, и теми, кто склонен к обобщениям с научной точки зрения. «Линии Мажино», на которые она ссылается, конечно, известны в социальных науках. Мы попытаемся ниже пересечь хотя бы одну из «линий Мажино», на которые ссылается Джэмисон. Для этого мы будем настаивать на подходе, который совмещает как анализ, основанный на теории, так и анализ на основе фактов, и попытаемся совместить как объективный анализ социального контекста отдельных суицидов, так и конструкционистский акцент – внимание к тому, как появляются знания об этих суицидах. Говоря в общем, первая половина статьи – это объяснение метода. Вторая половина предлагает краткие иллюстрации применения этого метода в отношении к суицидальному поведению у мужчин. Работа отличается от других подобных работ тем, что в ее основе лежит в основном методологический фокус, а не эмпирический.

Развитие социологических исследований суицида

Чтобы представить этот метод, мы начнем с краткого обзора о развитии социологических исследований суицида. Социология предоставляет лишь одну эпизодическую часть в мировых исследованиях суицида. Агербо, Стэк и Питерсон (2009) обнаружили, что из более чем 30000 академических работ по теме суицида, которые были опубликованы с 1980 года (и которые находятся в базе данных Института естественно-научной информации), лишь 400 могли бы быть отнесены к категории социологических. Несмотря на весьма маргинальную позицию социологии на фоне широкого количества исследований по суициду вообще, наиболее известный социологический подход к теме, а именно подход Дюркгейма ([1897] 2002) стал очень влиятельным как внутри социологических исследований, так и за их пределами, и до сих пор часто используется в современных исследованиях. Идея Дюркгейма заключалась в изучении социального контекста самоубийства, который всегда якобы является индивидуальным поступком. Он изучал связи между уровнем самоубийств и различными социальными факторами (например, такими, как интеграция и регуляция). Этот подход вызвал значительную дискуссию. Дуглас (1967) внес важный вклад, аргументировав против Дюркгейма традиции веберовского акцента на субъективном значении суицидального поведения для социальных субъектов. Хотя его книгу сейчас часто цитируют как важную, однако в целом вклад Дугласа не рассматривается в какой-либо заметной степени. Как показывают

исследовательские работы Стэка (2000a, 2000b), большинство современных социологических исследований по суициду носят исключительно количественный характер и большая часть их приходится на дюркгеймовские традиции исследования уровня самоубийств по отношению к широкому спектру социальных переменных показателей и не занимается этой проблемой на уровне отдельных случаев.

Что касается более широкого поля суицидологии за пределами дисциплины социологии, там тоже доминируют количественные методы. Хьельмеланд (2008) обнаружил, что 2.8% всех статей, опубликованных в трех международных журналах по исследованию самоубийств в 2005 – 2007 гг. были основаны на количественных подсчетах. Аткинсон (1978) внес еще один важный вклад в социологию самоубийств путем тщательного этнометодологического исследования, поскольку выявил, что опубликованные данные по самоубийствам основаны на том, что выводы следователей при вынесении приговоров основаны на рассуждениях методом здравого смысла. Вывод Аткинсона состоял в том, что социологическое исследование лишь в ограниченной степени способно предотвратить самоубийства, учитывая проблемы, которые возникают при изучении отдельных случаев самоубийств.

Социологическая аутопсия как метод исследований самоубийств

Существует важная и устоявшаяся традиция психологической аутопсии в области социологической науки. Это исследования отдельных случаев суицида, которые обычно осуществляются после самоубийства погибшего психиатрами и психологами. Они обычно включают измерение факторов риска и используют довольно небольшую выборку случаев суицида. Исследование индивидуальных самоубийств обычно воспринимается социологами как только психологическое. Дюркгейм отрицал как исследование отдельных случаев суицида, так и актуальность психиатрических измерений. Его мнение, по-видимому, оказалось ошибочным, поскольку исследование отдельных суицидальных случаев психиатрами и психологами выявило высокую пропорцию суицидов при наличии в анамнезе у погибших психических заболеваний, часто не диагностированных (Каванаг, Карсон, Шарп & Лори, 2003). Термин «социальная аутопсия» использовался социологом Эриком Клиненбергом в 2002 году, чтобы передать идею о социальном и политическом контексте смертей во время Чикагской жары в 1995 году, и Клиненберг работает с индивидуальными данными, хотя его подход был раскритикован Duneier (2006) за отсутствие глубины вовлеченности в индивидуальные истории, что

привело к ошибочным суждениям (Робинсон, 1950). Он предполагал важность привязки индивидуальных обстоятельств к местности проживания. Оуэнс, Лэмберт, Ллойд и Донован (2008) применили качественный подход к психологической аутопсии как методу исследования суицидов и пришли к важным социологическим догадкам, но они осторожно подходят к самому термину «психологическая аутопсия».

Мы отличаемся как от Клиненбурга, так и Оуэнса и остальных тем, что предпочитаем термин «социологическая аутопсия» с ее осознанным подражанием дисциплинарному подходу психологической аутопсии. Мы не первые используем термин «социологическая аутопсия». Его можно обнаружить в работах Чэттерджи и Бэйли (1993) и Слэтера (2005), хотя только последняя имеет дело с суицидами. Мы решили исследовать возможность социологического исследования при изучении отдельных случаев суицида. В свете основополагающей работы Дугласа и Аткинсона главным вызовом было провести удачное исследование, которое бы принимало во внимание то, что мы знаем о жизни погибших, но и занимало бы критическую позицию по отношению к самим знаниям. Такое исследование требует очень широкого разъяснения о том, что подразумевается под социальным контекстом самоубийства и включает социальное конструирование знания. С учетом основной литературы по психологической аутопсии мы все же считаем, что есть необходимость социального фокуса. Каванаг (2003) предоставил систематический обзор исследований психологической аутопсии и отметил, что количество психосоциальных фактов в этих исследованиях ограничено. Наша работа может помочь заполнить этот пропуск, заняв именно сторону социологического подхода. Наше исследование также необычно тем, что использует качественно ориентированный подход к этому виду изучения (хотя стоит обратить внимание на работу Оуэнса в 2008, Стэка и Вассермана в 2007), позволяя уделять внимание, как отдельным случаям, так и анализу переменных показателей.

Методы исследования и анализ данных

Набор данных для нашего исследования взят из документов по делам о самоубийствах у окружного следователя в Великобритании. Исследование было одобрено со стороны комитета по этике исследований Национальной службы здравоохранения Великобритании. Местоположение комитета специально не указывается, чтобы сохранить секретность расположения следователя и его участка, особенно с учетом специфических особенностей некоторых случаев суицида. Команда из трех исследователей прочитала

выборку документов о 100 суицидальных случаях в кабинете у следователя, который отвечает за город среднего размера, за прилегающую сельскую местность и промышленную часть города. Выборка касалась первых ста суицидальных вердиктов, которые встретились с 2002 по 2005 годы. Эти сто случаев в широком смысле схожи в плане возраста и пола с картиной в Англии и Уэльсе в целом. Соотношение самоубийств у мужчин по отношению к женским составило немногим меньше 4:1, а средний возраст достигал 46 лет (44 у мужчин, 53 у женщин). Город, в котором проживает большая часть населения этого участка, является местом проживания и для этнического меньшинства, которое составляет в среднем 7,9% населения, но тут следует отметить, что в документах у следователя не было достаточно данных по поводу этнической принадлежности, чтобы включить ее в общий анализ. Данные о принадлежности к социальному классу, например, о занятиях, были также неполны или отсутствовали во многих случаях, а данные о сексуальной ориентации не рассматривались следователем. Из-за избытка данных в папках надо было принимать решение о том, что именно стоит записывать. Таким образом, то, что было вынесено из кабинета следователя в форме анонимного набора данных, является комбинацией собственных записей исследователей и стенограммы отрывков из документов, некоторые из которых весьма длинные. Процесс анализа таким образом неизбежно начался, еще когда мы читали документы.

Данные в папках были так многообразны, что было бы неточным рассматривать документальное исследование как моно-метод в этом случае. Разные виды источников включали формы, заполненные следователем; порой даже неразборчивые пометки следователя на папке с документами; данные из допросов полицейскими свидетелей и других важных лиц; судебные отчеты о вскрытии; медицинские письма и отчеты, особенно от психиатров; суицидальные записки; записи с мобильных телефонов; фотографии трупов; письма следователю и выдержки из газет. Эти источники данных так многообразны в плане источников происхождения и способов оформления, что их можно выделить в мульти модальный набор данных (Финчэм, Скорфилд & Лэнгер, 2007). Нельзя не отметить ключевую роль сотрудников следственных органов в сборе и структуризации данных для следствия. В некоторых районах сотрудники следственных органов опрашивают членов семей погибших. Однако в том районе, где велось наше исследование, именно полицейские собирали свидетельства у свидетелей, включая членов семей и друзей. Как показывает исследование Дэйвиса, Линдси, Сиборна и Гриффитс-Бэйкера (2002), роль сотрудников следственных органов очень меняется в зависимости от следственных участков. Соответственно в нашем исследовании возникают фигуры

полицейских как ключевых профессионалов в плане сбора доказательств в делах о самоубийствах, хотя конечное решение по делу о смерти выносят все равно следователи.

По контрасту с основными работами в области психологической аутопсии, мы считаем важным распознавать неизбежно интерпретируемые аспекты анализа случаев суицида. Вместо того чтобы применять лишь качественные подходы, однако, мы предприняли попытку выйти за рамки небольшого исследования в формате разбора дела, выбрав в качестве объекта исследования выборку из 100 суицидов в течение трехлетнего периода времени. Это позволило нам провести количественный анализ тем, которые изначально производились при качественном анализе. Наше «качественно управляемое» исследование основано на смешанном методе с качественным подходом (Мэйсон, 2006), которое подходит как для исследования отдельных дел, так и для анализа переменных (различие выделил Рэджин в 1987 году). Трое исследователей согласовали кодовые рамки и тематически закодировали дела целиком, используя программу N-Vivo. Кодирование случаев целиком, в отличие от разбивания данных на отрывки, означало, что в проекте в формате N-Vivo сохранялась вся сложность случаев, а также что мог быть быстро использован табличный кодировочный профиль. Этот профиль был отправлен в SPSS для статистического анализа. Не каждый согласится, что можно применять качественное кодирование при работе с количественной оценкой. Мы тщательно согласовали кодировочные рамки на основе начального анализа, затем мы систематически применяли их при работе со случаями в количестве 100, так что если в доказательствах указывался социальный фактор, то мы вносили соответствующий код в случай. Дальнейший анализ относительной важности этого фактора выполнялся для специфических тем, например при разрыве личных взаимоотношений.

Конечно, есть потенциальные трудности с использованием данных от следователей. Могут быть расхождения от следователя к следователю по вопросу, какие случаи заслуживают вердикта «суицид», а какие – «открытого» вердикта. Тиммерманс (2005) провел этнографическое исследование в сотрудничестве с медицинскими экспертами, которые стоят наиболее близко к следователям, в США. Он считает, что занижение уровня суицидов может быть объяснено самими профессиональными характеристиками, которые защищают авторитет медицинских экспертов, а именно от настойчивых требований законных оснований, предпочтений в вопросе выбора патологических заключений и сохранения близкой взаимосвязи с правоохранительным и медицинским персоналом. Мы посетили два соседних следовательских кабинета, чтобы переговорить со

следователями и прочитав выборки из 10 файлов в каждом из мест. Нас удовлетворило то, что виды используемых свидетельств были примерно те же, что в том месте, где мы проводили основную работу. Это не устраняет разницы в интерпретации со стороны следователей, но некоторые опубликованные исследования оправдали бы выбор только одного из следователей. Сейнсбери и Дженкинс (1982) утверждали, опираясь на данные из Англии и Уэльса в 1950-х, 1960-х и 1970-х, что ошибки в докладах о смертельных случаях появлялись в случайном порядке и таким образом не представляли разницы в описании случаев внутри страны и за ее пределами. Исследование Пескосолито и Мендельсона (1986) в США обнаружило, что систематически появлялись неверные доклады о суицидальных случаях, но что это мало влияло на переменные, которые обычно используются при тестировании социологических теорий о суициде. Важно отметить, что в документах следователей бывают умолчания. Есть очень тонкие папки, в которых отсутствует контекстуальная социальная информация, которую мы ожидаем найти, и доступны немногие данные, кроме отчетов патологоанатомов и данных о расположении трупа.

Теоретические следствия работы с разнообразными документальными данными

Первым важным теоретическим вопросом, который надо иметь в виду: какие типы этих данных выступают в роли свидетельств социальных явлений. Наш аргумент в отношении этого проекта заключается в том, что нам нужно делать выводы в двух разных измерениях реальности, выявленные среди материалов дела. Первое из этих измерений – это способ, когда свидетельства получают от всех сторон (как от живущих, так и от ушедших из жизни), а второе касается того, какой информацией об убеждениях и действиях самоубийц мы располагаем. Это социологическая необходимость, поскольку понимание социального контекста суицида неизбежно привлекает внимание к тому, как строятся знания о суициде у профессионалов и обывателей, а также внимание к обстоятельствам отдельного суицида, насколько возможно узнать об этих обстоятельствах. Мы можем таким образом сделать предварительное заявление о том, что мы оперируем двойными парадигмами в этом проекте, а также сочетаем количественный и качественный подходы. Мы спокойно относимся к тому, что это является довольно необычным сочетанием объективизма и конструкционизма. Признавая это как концепции, появившиеся в других контекстах, «осторожный натурализм», выведенный Файном (1997, 2007; после Губриума, 1993) во взаимосвязи с исторической интерпретацией и

анализом социальных проблем, здесь очень полезен. Файн утверждает, что для строгих конструкционистов отрицание возможности исследования объективных структурных условий – это «онтологическая безнадежность» (1997:298) и что для социологов «игнорировать эффекты социальной структуры значит отрицать их право по рождению» (1997:317). Осторожный натурализм «признает, что уверенные знания и схемы интерпретации вносят свой вклад в наш опыт, получаемый из прошлого» (Файн, 2007:33). Из документов следователей по суицидам возможно, как мы будем утверждать, сделать кое-какие обобщения (Пэйн и Вильямс, 2005) о социальной структуре контекста суицида. Итак, если, например, разрыв личных взаимоотношений указывается в предсмертной записке и в показаниях друзей и членов семьи как важный, тогда мы можем уверенно заключить, что этот фактор был важной частью социального контекста суицида. Если есть гендерные особенности реагирования на разрыв личных взаимоотношений, как описано в показаниях свидетелей на следствии, тогда мы можем провести какую-то связь с социальной структурой. Мы также должны учитывать, что свидетельства о важности разрыва отношений строятся на основе разных представлений о суициде и взаимоотношениях. Эти предположения, конечно, входят в состав репертуара знаний, доступных отдельным суицидальным личностям (Канетто, 1992-1993), и поэтому мы должны относиться к ним серьезно.

По сравнению с дюркгеймовской традицией исследования уровней суицида (Дюркгейм, [1897] 2002), мы готовы оспорить социологическую важность смешанных качественных методов при работе с индивидуальными случаями для получения выводов о социальной структуре контекста суицида. Нас это приводит к тому, что мы принимаем всю сложность индивидуальных случаев и мы не готовы низвести любой социологический анализ до интерпретации лишь монопричин. Сибен (1999) предоставил теоретическую базу анти-редукционистской социологии. Это не постмодернистский подход, ведь постмодернизм заинтересован во фрагментации, а не обязательно в консолидации. Целью анти-редукционистской социологии является консолидация сложной связи социальных объяснений. Охват не состыковок и даже противоречий в данных по сравнению с удалением их может привести к тому, что отчеты могут получиться спутанными и неупорядоченными (Ло, 2004). Это также в конечном итоге означает применение психосоциального подхода, поскольку, хотя мы оспариваем важность социологии при изучении отдельных суицидов, было бы неверно отрицать важность психологического анализа.

На этой стадии мы хотим представить короткий пример выводов, которые могут быть получены благодаря такому методу исследования

отдельных суицидов, как социологическая аутопсия с качественным подходом. Примером эмпирической темы, которую мы выбрали, является гендерный характер суицидов у мужчин. Пол важен из-за непропорционального количества суицидов у мужчин (как минимум в три раза чаще, чем у женщин в большинстве стран, кроме Китая, который является важным примером) и более высоким уровнем суицидального мышления и поведения у женщин. Канетто и Сакинофски (1998) используют термин «гендерный парадокс» суицидального поведения в отношении к этим трендам. Мы пытаемся выделить в этом исследовании гендерные идентичности и гендерные практики, нежели чем провести простое сравнение мужчин и женщин как гендерных групп, так как это конечно же необходимо для правильного социального научного понимания проблемы (Канетто, 1997; Скорфилд, 2005).

Краткие иллюстрации исследовательского подхода: интерпретация самоубийств у мужчин

Мы предоставляем ниже некоторые относительно краткие примеры выводов, которые можно получить из разных аспектов социологической аутопсии. Мы делаем это не для того, чтобы сделать важные эмпирические заявления, но просто для того, чтобы кратко проиллюстрировать возможности метода. Мы начинаем с конструкционистского подхода к критической оценке свидетельств и затем перейдем к более объективным выводам о социальном и культурном контексте суицидального поведения. В завершении мы обсудим важность рассмотрения сложности отдельных случаев.

Чтобы объяснить, как важные выводы были сделаны благодаря исходным данным, стоит вернуться к процессу кодирования данных. Материалы дел по отдельным случаям были изучены исследовательской командой, была согласована схема кодирования, и целые кейсы (но не выдержки из них) были тематически закодированы с использованием 2.0 версию N-Vivo. Как часто бывает с качественными исследованиями, система кодирования появилась на основе работы с исходными данными, нежели чем на основе предварительных гипотез. Первоначальные коды относились к доказательствам в тех случаях, когда могли быть выделены социальные или поведенческие факторы. Любое указание на случай, например, изоляции или проблем с алкоголем будет соответственно закодирован. Хотя анализ производился индуктивно, команда исследователей неизбежно уделяла внимание некоторым факторам, которые хорошо известны в эпидемиологической литературе по суициду. Это первоначальное

кодирование не отражало относительную важность любого фактора для суицидального акта, но отражало лишь наличие фактора. Затем следовал более детальный анализ по ключевым темам.

В следующих кратких эмпирических иллюстрациях (в которых все имена являются псевдонимами), мы фокусируемся на проблемах с финансовым доходом или работой и разрывом отношений. Мы фокусируемся на них частично еще и потому, что находили интересные гендерно обусловленные примеры среди исходных данных. Количественная оценка гендерных типов может быть затруднена из-за небольшого количества женщин в выборке из 100 самоубийц. Однако, как объясняется в полной работе Шайнера, Скорфилда, Финчэма и Лангера (2009), анализ, основанный на Cramer's V помог обнаружить, что следующие факторы связаны с полом в исходных данных: проблемы с занятостью и связь с криминалом (более часто у мужчин); изоляция, диагностика психических заболеваний, проблемы с детьми (более часто у женщин). Также, хотя этот фактор не был статистически значим, долги указывались как фактор, имеющий отношение при расследовании суицида в 11% случаев у мужчин (n=9) и 5% случаев у женщин (n=1). Подобным образом и проблемы с личными отношениями были идентифицированы командой исследователей как якобы один из ключевых факторов для самоубийства, при том, что у мужчин этот фактор вдвое важнее (38% [n=30]: 19% [n=4]). Для изучения культурного контекста суицидальных случаев, как отмечалось ранее, в данных у следователей отсутствовали данные этнического мониторинга. Так как более 90% местного населения – это белокожие британцы, разумно предположить, что речь в большинстве случаев идет о белокожем населении. Учитывая разнообразие гендерных идентичностей и практик, трудно сжато определить культурную среду белокожих британских мужчин. Вероятно наиболее важным контекстом, который стоит отметить, является широко распространенный дискурс о кризисе маскулинности. Как и в других западных странах, в СМИ появляется слишком много информации о проблемах, которые испытывают мужчины, приспосабливаясь к изменяющемуся гендерному порядку (Койл&Морган-Сайкс, 1998). В частности, внутри этого дискурса выявляется взаимосвязь между, с одной стороны, психическим здоровьем у мужчин и растущим уровнем разводов и смены работы, с другой стороны – ростом феминизированных рабочих мест в сфере обслуживания промышленности и уменьшением традиционно мужского физического труда для представителей рабочего класса (Шайнер, 2009). Здесь наблюдается определенная преемственность с гендерными проблемами самоубийств и социальных перемен, который выделил Кушнер (1993) в 19 веке.

*Построение теорий относительно гендера и суицида
с позиций здравого смысла*

Есть традиционная взаимосвязь между финансовыми проблемами и мужскими самоубийствами (Канетто, 1997; Кушнер, 1993). В нашем исследовании на основе социологической аутопсии долги были упомянуты при опросе свидетелей на следствии в качестве важного побудительного мотива в 11% (n=9) случаях самоубийств у мужчин. Эта пропорция вероятно несколько ниже, чем ожидалось в свете традиционной важности денег при построении теории о мужских самоубийствах. Стоит отметить, однако, что, когда мы рассматриваем связанную с этим смежную тему проблем с работой – смежную потому, что как деньги, так и сама работа являются важными аспектами мужской модели поведения (модели добытчика), то пропорция вырастает до 23% (n=18) случаев мужских самоубийств.

Чтобы проиллюстрировать распространенность проблемы, мы рассматриваем примеры случаев, когда финансовые проблемы указываются как релевантные по отношению к мужскому суициду одним из свидетелей, даже когда нет других свидетельств в поддержку этой связи, а взгляды самоубийц по поводу их мотивов не имеют отношения к денежным делам. Так, например, в случае №18 отец погибшего (мужчина, 26 лет, «Джэк») начинает свое заявление так: «За неделю до инцидента у Джэка были финансовые трудности в связи с машиной, которую он приобрел за 8 месяцев до того». Этот суицид был, очевидно, вызван тем, что Джэк должен был встретиться со своей бывшей подружкой в баре, но она не пришла. Мы не хотим высказывать предположение, что отец был неправ, когда говорил о финансовых трудностях как о важном факторе. На самом деле мы бы подчеркнули важность наличия сложных социальных обстоятельств. Однако мы можем сделать заключение на основе этого случая, что финансовые проблемы, скорее всего, приводят как важные из-за разумного предположения, что это относительно обоснованная причина для самоубийства, и наверняка особенно для мужского самоубийства, ведь есть длительная культурная ассоциация между мужчинами и доходом/деньгами. Эта построенная на здравом смысле ассоциация на самом деле родилась на основе исследовательских данных, которые отражают связь между безработицей и мужским суицидом (Чанг, 2009). В работе Стэка и Вассермана (2007) качественный подход к изучению 62 суицидальных случаев в Детроите, в большинстве случаев среди мужчин, общие контекстные факторы включали безработицу и утрату дохода, а также другие

дополнительные экономические проблемы, включая утрату машины и урезания дохода на пенсии.

Разрыв личных взаимоотношений также появляется в данных как обоснование самоубийства, относительно разумное с точки зрения свидетеля на следствии, и интересным образом это особенно часто является поводом к самоубийству именно у мужчин. Это может быть вызовом историческим стереотипам, которые традиционно связывали женский суицид с реакцией на разрушенные отношения (Канетто, 1992-1993; Кушнер, 1993). Среди исходных документов мы видим, что теоретические умозаключения от лица полицейских, находящихся на месте суицида, часто включают упоминание неудавшихся взаимоотношений, вне зависимости от того, указывают ли на это свидетельские показания или нет. Также при посещении других следовательских бюро (не наше основное место) нам сообщили секретари следователей, что к суицидам на их участке в основном прибегали молодые люди, которые разошлись со своими девушками. В реальности картина в Англии и Уэльсе показывает, что уровень самоубийств выше в среднем возрасте и старшем возрасте по сравнению с молодым возрастом (Шайнер, 2009), и в этом отношении этот участок не отличался от общего тренда. Сообщение секретаря о суицидальных трендах выявило большой интерес к проблеме суицидов у молодых людей, как видно и в новостях, но возможно есть и новый фокус в популярных представлениях о реакции мужчин на разрыв взаимоотношений. Это ассоциация, которая связана с изображением суицидов в популярной культуре. Разрыв личных взаимоотношений часто встречается в фильмах, где происходит мужское самоубийство, например (Аджербо, 2009).

Разрыв личных взаимоотношений, усугубленный конфликтом по поводу детей, как кажется, является особенно понятной причиной суицида у мужчин – возможно, понятной в контексте популярного предположения, что суды по семейным делам выступают в защиту женщин как тех, кто заботится о детях, и против мужчин с их жестокостью, в то время как группы, защищающие права отцов, приводят примеры суицидов у отцов, лишенных общения с семьей, как следствие жестокости правовой системы. Случай №30 (мужчина в возрасте 32 лет) не включал много свидетельств, а папка у этого дела была очень тонкая. Почти что все, что мы знаем об этом мужчине, это то, что он боролся со своей бывшей партнершей за опеку над детьми в возрасте 5, 8 и 10 лет и беспокоился о качестве заботы бывшей партнерши о детях. Нам рассказали, что его уже ждали в суде, когда он застрелился. Это, как кажется, пример случая, когда следователь и его подчиненные посчитали, что дело сразу же достойно вердикта «суицид» из-за битвы за опеку – настолько очевидными были причины самоубийства, что потребовалось мало

доказательств. Это единственное объяснение было весьма убедительным с точки зрения свидетелей, включая тех, кто хорошо знал самоубийцу. И снова перед нами был тот случай, когда кажущаяся очевидной причина самоубийства кажется разумной обывателям и профессионалам, которые оценивали причины смерти. Это частая ассоциация между мужскими суицидами и конфликтами по поводу детей может вызвать изменение в преобладающей модели маскулинности в Великобритании с узкого фокуса на мужчину как добытчика на более широкую концепцию, которая включает отцовство с его физическим присутствием в жизни детей и вкладом в заботу о детях, в том числе финансовую (Шайнер, 2009).

Когда мы отмечаем разрыв личных взаимоотношений как гендерное объяснение суицидов с позиций здравого смысла, мы не хотим дистанцироваться от такого теоретизирования. На самом деле, как будет показано ниже, мы использовали эту взаимосвязь, чтобы выстроить типологию гендерных ответов на разрыв личных взаимоотношений. Как показывает работа Стэка (2000b), многочисленные исследования указывают на влияние разводов на уровень суицидов, а брак наоборот предполагает бóльшую защиту от суицида у мужчин по сравнению с женщинами. Наш основной аргумент в отношении применения здравого смысла к теориям суицида заключается в том, что вместо того чтобы отвергать его как «всего лишь» здравый смысл, нам следует относиться с бóльшим уважением к социальным субъектам, которые близки погибшим, а также мы должны признать, что знания о стрессе и возможных причинах самоубийства, которые обычно приводят свидетели на следствии, фактически те же, что приводят склонные к суициду люди во время сильного стресса.

Создание свидетельств о самоубийствах

Помимо признания того, что доказательства в делах о суицидах основаны на предположениях о видимо разумных причинах самоубийств, мы должны учитывать и заботы живых, а не только погибших (Лангер, Скорфилд & Финчэм, 2008). Признание этой реальности подчеркивает сложность доказательств в каждом индивидуальном случае и неизбежную подверженность этого вида исследования разным интерпретациям. Как и в случае исследований по психологической аутопсии, решения должны принимать исследователи. Данные не могут говорить сами за себя. Например, хотя есть много свидетельств в делах, связанных с разрывом личных взаимоотношений, когда он считается важным фактором самоубийств (а он присутствует в 55 из 100 случаев и является основным поводом к самоубийству в 34 случаях), есть и некоторое замалчивание. Есть,

например, случаи, когда партнеры отрицают наличие напряжения в отношениях, но другие свидетели, как, например, друзья погибших, дают понять, что проблемы с взаимоотношениями часто указывались погибшими как основной повод для самоубийства. В случае №41 было указание на стресс, связанный с работой – это был самозанятый мужчина в сфере недвижимости. Полиция выискивала у погибшего долги, чтобы связать с ними произошедшее самоубийство. На самом деле секретарь погибшего рассказала полиции, что ее начальник был вполне счастлив, хотя и испытывал стресс и имел проблемы с алкоголем. Лучше всего причины разъяснил друг, который не делал официальных заявлений, что девушка погибшего состояла в других отношениях и погибший узнал об этом лишь в ночь перед самоубийством. Сама же девушка ни о каких отношениях не упоминала. В случае №48 нам ясно сказали несколько свидетелей, что причиной самоубийства был развод, который последовал за домашним насилием. Бывшая жена предоставила детальные доказательства, включая безусловно сложно давшееся признание, что в день перед самоубийством, когда он в состоянии опьянения рассуждал о желании убить себя, она и ее дочь оставили его наедине с самим собой, «так как он и раньше прибегал к такому поведению, чтобы привлечь внимание членов семьи». Что она не упомянула, это сложности, которые он имел с ее новым партнером, хотя тот факт, что он спровоцировал у себя передозировку в тот день, на который она назначила ему знакомство с ее новым партнером, означает, что все-таки это было важным для погибшего.

Два этих случая снова указывают на сложность каждого отдельного случая и невозможность сведения суицидов к одному случаю. Они также подтверждают, что свидетели могут контролировать поток информации на допросах. Едва ли это удивительно в контексте моральных суждений, которые следуют за самоубийствами, и взаимосвязи между моралью и ответственностью (см., например, работу Койла и МакВаннэлла (2002) по медиадискурсу). Те, кто были близки к самоубийцам, выражали большую степень ответственности (Оуэнс, 2008), возможно минимизируя свою собственную связь с сильным стрессом, который испытывал самоубийца или как минимум отделяя свою роль каким-то образом. Моральное позиционирование и раскрытие данных также могут сильно зависеть от юридических аспектов следственного дела. Например, вряд ли они будут склонны обсуждать свое участие в незаконных действиях, неких преступлениях, или обороте наркотиков, или поведении, которое вызовет моральное осуждение (например, сексуальные практики). Интерпретация данных, полученных на следствии, требует критической позиции по поводу доступных источников и учет позиций свидетелей.

Разрыв гендерных и личных взаимоотношений – типология суицидов

Мы изменяем наш теоретический подход на данном этапе, поставив конструкционизм на задний план и вместо него опираясь на объективистское понимание суицидальных случаев. В то время как очень важно уловить сложность отдельных случаев, также и в рамках социологической аутопсии есть возможность анализа переменных. Учитывая природу свидетельских показаний на следствии, мы считаем любой их анализ неизбежно подверженным разным интерпретациям и таким образом мы расстаемся с традициями психологической аутопсии, которая, как заявлено, изолирует переменные (например, психические заболевания) в отношении самоубийц после смерти. Важно признать, что стоит оценить любые переменные социального контекста в суицидальных случаях с нескольких точек зрения. Проводится процесс записи данных в кабинете следователя, который должен отфильтровать данные, так как будет невозможно проанализировать каждое слово в записи. Проводится процесс кодирования случаев целиком в зависимости от того, упоминается ли некий социальный фактор (например, изоляция, алкогольная зависимость) любым из свидетелей как важный. Проводится также дальнейшая интерпретация важности данного социального фактора.

Как ранее объяснялось в статье, любое кодирование случаев целиком может быть внесено в статистическую базу, что позволит использовать метод смешанного анализа. Далее мы приведем примеры такого анализа, основанного на переменных. Другая наша статья (Шайнер, 2009) предоставляет статистический обзор набора данных и отмечает некоторые тенденции, связанные с полом и возрастом. Мы кратко приводим здесь некоторые выводы как дальнейшую иллюстрацию того, как может применяться метод социологической аутопсии. Значительно больше деталей может быть найдено в опубликованной работе.

Проблемы, связанные с детьми, как сообщает любой из свидетелей дознания, более актуальны для женщин, в то время как мужчин больше заботят проблемы, связанные с работой и долгами, что подтверждает традиционные гендерные представления. Эти проблемы достигали высокого уровня концентрации в среднем возрасте у обоих полов. Разрыв личных взаимоотношений часто служил основным поводом к самоубийству в возрасте между 25 и 54 годами. На основе индуктивного подхода к гендерным реакциям на разрыв личных взаимоотношений один из исследователей вернулся к случаям, которые были закодированы под этим заголовком (то есть, были свидетельства о разрыве личных взаимоотношений или о трудностях в интимной/сексуальной сфере), чтобы выстроить

дальнейшие категории. Это привело к появлению двух видов типологии. Первая типология подразумевала относительное влияние разрыва личных отношений на решение о самоубийстве – насколько это было возможно выделить из свидетельских показаний. Вторая типология включала только те случаи, когда разрыв личных взаимоотношений считался основным поводом к самоубийству. Эти случаи были категоризованы в зависимости от степени реакции человека с суицидальными наклонностями на проблемы в отношениях (или прекращение отношений во многих случаях). Категории суицидального ответа были следующие:

Убийство/попытка убийства

Наказание

Зависимость

Ревность

Сепарация от детей

(см. у Шайнера, 2009).

Стоит отметить, что это конечно же не дискретные категории. Дела о «наказании», как правило, тоже обычно включали ревность и/или сепарацию от детей, например. Типология была осуществлена, просто чтобы выделить доминантные обстоятельства, выделенные на стадии опроса свидетелей. Это иллюстрирует разницу между акцентом на переменную – хотя и с качественным подходом – и анализ отдельных случаев, который во главе угла ставит многофакторный социальный контекст. Он иллюстрирует преимущества качественного анализа, как индуктивный подход к свидетельским показаниям может дать отличное понимание социальных контекстов суицидальных актов.

Следует заметить, что, за исключением одной женщины, все эти случаи включали разрыв гетеросексуальных взаимоотношений. Хотя разрыв личных взаимоотношений указывался как релевантный социальный фактор на схожем уровне у мужчин и женщин (56% [n=44] и 52% [n=11] соответственно, этот фактор все же считался главным поводом к самоубийству у мужчин, нежели чем у женщин (38% [n=30] и 19% [n= 4] соответственно), что соответствует большинству современных исследований (см.у Стэка, 2000b). Когда мы количественно оцениваем разные категории важности разрыва личных взаимоотношений как побудительного мотива к самоубийству, труднее придерживаться методов статистического анализа, так как рассматриваются малые количества случаев. Однако мы можем отметить, что если мы будем рассматривать домашнее насилие, наказания, ревность и конфликты, связанные с детьми в качестве индикаторов домашнего насилия, а качественный анализ сильно поддержит такую интерпретацию, тогда 23 суицида из выборки в 100 суицидов могут быть

охарактеризованы как индикаторы некоторых черт абьюзивного поведения со стороны самоубийц. Все, кроме одного, случаи из этих 23 были мужские самоубийства.

Анализ случаев мужских самоубийств

Сейчас мы возвращаемся к анализу случаев, чтобы завершить наши аналитические примеры и в дальнейшем проиллюстрировать сложность работы с доказательствами и понимания важность рассмотрения индивидуальных особенностей суицидальных случаев. Мы решили сконцентрироваться на Марке (дело №7), тридцатилетнем мужчине, который выбрал способ самоубийства от удушения от монооксида углерода в своей машине вскоре после очень серьезной попытки добиться того же тем же способом. Случай самоубийства Марка интересен тем, что социальный контекст включал токсическую взаимосвязь злости к своему бывшему партнеру (матери его ребенка) и беспокойство по поводу своего образа в обществе.

Психиатрическое заключение отметило, что Марк «чувствовал себя сильно униженным, обеспокоенным и весьма расстроенным» по поводу своей суицидальной попытки. У Марка в анамнезе не было лечения у психиатра, кроме той суицидальной попытки. Его беспокойство легко можно понять в свете выводов Канетто и Сакинофского (1998) о гендерных культурологических чертах суицидального поведения. Эти авторы отмечают, что «успешное» самоубийство часто приписывается мужскому стилю поведения (как решительное и требующее мужества действие), в то время как неудавшаяся попытка самоубийства часто приписывается женскому стилю (как слабое и амбивалентное действие). Такие чувства Марка, как обеспокоенность и унижение, легко можно объяснить в таком ключе, поскольку стыд считается более женской чертой поведения, нежели чем мужской. Марка сильно заботило, как его видят другие. За несколько лет до смерти он сидел в тюрьме за кражу у работодателя, а незадолго до смерти сказал своему лучшему другу, что у него было чувство, что он навредил своей семье. Также он говорил, что «он построил перед окружающими такой образ, которому он больше не мог соответствовать» (записано полицейским со слов лучшего друга Марка) (см. у Канетто (1995)).

Это явно выраженное упоминание «образа» необычно, хотя подобные темы неявно прослеживаются во многих случаях мужских суицидов. Идея мужского «образа», рассматриваемая с позиции критических исследований мужского поведения, связана с понятием Коннэлла (1995) о «господствующей маскулинности». Хотя это понятие подвергалось критике

как предполагающее понятие «фиксированной (мужской) структуры поведения» (Уайтхэд, 2002:94), Коннэлл настаивает на том, что это понятие относится к «циркуляции моделей о вызывающем восхищение мужском поведении», которые «не соответствуют жизни большинства мужчин», но «выражают идеалы, фантазии и пожелания» (Коннэлл, 2002:90). Бордью (2001) подчеркивает важную роль чести в определении доминирования мужчин. Он описывает честь как «систему требований, которая во многих случаях остается недоступной» (стр.50). Честь, стыд и мужественность требуют общественного признания и должны быть «подтверждены перед другими мужчинами» (стр.52). Прикладывая эти идеи к социологическому пониманию гендерно обусловленных суицидов, Скорфилд (2005) выделяет напряжение, которое может возникать, когда разрыв между ожиданиями и реальностью у мужчин, склонных к суициду, становится абсолютно очевидным и признанным, нежели чем когда он скрыт и социально замаскирован, и жизнь после потери «мужской чести» не кажется достойной продолжения. Марк написал в одной из суицидальных записок: «Я всего лишь хотел быть нормальным и уважаемым вместо того, кем я был».

Причиной самоубийства Марк назвал неспособность прийти к имиджу успешного человека, а также долги, которые он накопил. Долги в целом являются ожидаемой и даже приемлемой причиной суицида у мужчин с учетом традиционной взаимосвязи между маскулинностью и работой, как отмечалось ранее в нашей работе. Марк на самом деле намекал лучшему другу, что «было и больше вещей, которые скоро станут очевидны» (цитата лучшего друга в общении с полицейским). Очевидно, был еще один очень важный фактор, который стал очевидным только из суицидальных записок, которые оставил Марк. Он написал несколько записок, одну из них своей бывшей партнерше, матери их ребенка. Он уточнил, что он не хотел бы, чтобы его семья узнала об этой записке, если бы она их расстроила. Он начал записку бывшей партнерше со слов: «Если ты читаешь это письмо, то я, слава Богу, больше не здесь и больше не думаю о том, какая ты злостная тварь» и продолжил писать записку так, чтобы причинить женщине сильное огорчение. Он написал: «безусловно, все из-за тебя и только» и продолжил объяснять, как тяжело ей будет продолжать жить, зная, что она ответственна за его смерть. Он аккуратно перечислял повседневные события и предметы, которые должны будут напоминать ей о нем и вызывать у нее боль. Он дважды упомянул о потенциальном влиянии на их сына, снова уточнив, что она будет в этом виновата. Он оставил и записку для полиции и любого человека, который обнаружит его тело, с извинениями за любые «трудности» и записав свое имя, адрес и информацию о ближайших родственниках.

В свете того, что он очевидно был слишком занят тем, что о нем думают другие и чувством утраты респектабельности, мы можем предположить, что мотив наказания бывшей партнерши не был упомянут в разговоре с лучшим другом (или по крайней мере не указан в показаниях лучшего друга), так как он осознавал возможное неодобрение, особенно с точки зрения влияния на его маленького сына. Возможно, Марк беспокоился о негативной общественной реакции и готов был извиниться даже перед случайным человеком, обнаружившим его тело, и синхронно был способен создать предсмертную записку, способную доставить максимум дискомфорта своей бывшей партнерше. Мы не имеем никаких данных об истории его взаимоотношений с бывшими партнерами, но мы очевидно наблюдаем в этом случае подобную динамику, которую наблюдаем в случаях домашнего насилия, когда важно сохранить публичную респектабельность, а к близким лицам проявлять экстремальную агрессию. Такое публичное очернение бывшего партнера говорит о персонализированной мизогинии; это необязательно генерализованная ненависть к женщинам, но ненависть к бывшей партнерше, которая получает свой выход. Он не хотел обнародовать свою ненависть, но записывание этих мыслей на бумаге дает повод думать, что есть некое социокультурное пространство, которое позволяет выражать такое агрессивное мнение о бывшей партнерше.

Анализ случаев, как в вышеприведенном примере, может выявить индивидуальные сложности, о которых говорила Рэдфилд Джэмисон в цитате, которая начинается эту статью. Такой анализ идеально подходит для анализа гендерных идентичностей и практик в случае самоубийств. Подход социологической аутопсии позволяет соединить выводы, полученные на основе отдельных случаев («кейсов»), с анализом переменных, а также исследованием конструкционистской и объективистской онтологии.

Заключение

Очевидно, что есть явные ограничения в социологической аутопсии. Мы не достигли такого успеха, как Клиненберг (2002) в своей работе по «социальной аутопсии» на основе Чикагской жары в анализе зависимости смертей от экологии конкретных районов. Это объясняется отчасти соображениями анонимности – работой с данными без определения места проведения исследования, а также из-за ограниченных ресурсов. Мы определенно рекомендовали бы в будущем развивать наш метод путем учета данных о выбранной местности, при условии что будет аккуратно соблюдена анонимность. Данные по принадлежности к социальному классу и этничности, полученные у следователей, были скудны и таким образом

наложили ряд ограничений на наше социологическое исследование. Мы не проверяли показания свидетелей, которые были в документах по делам, не брали интервью, как рекомендовал Данэйер (2006) и как часто пытаются делать исследования по психологической аутопсии. Чтобы сделать это с большим материалом для получения статистического анализа, требуется слишком большая работа, но мы согласны с тем, что это желательно. Все это, как мы признаем, ограничивало наш исследовательский подход. В его защиту мы полагаем, что наш подход находится где-то между анализом на макроуровне Клиненберга и этнографическим подходом, который был рекомендован Данэйером. У нас есть индивидуальные данные, которые почти во всех случаях включают признания нескольких свидетелей, которые хорошо знали погибших. У нас есть довольно обширный набор данных по сравнению с большинством качественных исследований. Наш подход потенциально может помочь исследователям избежать ошибок и чрезмерной обобщенности при малом количестве случаев. Мы со всей уверенностью можем заявить, что мы расширяем методологические опции для социальной аутопсии, когда оспариваем двойные парадигмы. Данные по социальной аутопсии могут быть использованы для изучения социального конструирования смерти и также как база для довольно объективных выводов о социальных обстоятельствах отдельных личностей при жизни и в обстоятельствах смерти.

При краткосрочных исследованиях социологические факторы суицида лучше всего могут быть задокументированы через исследования, которые используют все богатство информации в документах следователей. Существует мало больших наборов данных по индивидуальным случаям суицида, а где они есть (например, Государственная служба исследования смертности в США), они содержат немного социологических переменных. Конечно, для исследователей с малым финансированием или отсутствием такового данные следователей, невзирая на их ограничения, предлагают возможность исследования суицида. Для долгосрочных исследований требуется более широкое признание того, что количественный и качественный подход к исследованию суицида дополняют друг друга и взаимно обогащают информацией. В идеале главные спонсоры исследований в будущем будут инвестировать в исследования, где дополнительные факторы, обнаруженные при качественном подходе, могли бы быть протестированы в исследованиях по психосоциальной аутопсии, когда исследователи используют шкалы для измерения как психологических, так и социологических факторов для каждого отдельного случая суицида.

Мы считаем, что суицид является в некоторых отношениях уникальной и интересной темой, отчасти потому, что большинство, не прибегающее к

суициду, которое прикладывает значительные усилия для поддержания жизни, с трудом могут понять желание покончить с жизнью, а также потому что явление суицида напоминает нам о нашей собственной психологической и физической хрупкости. Встреча со смертью, согласно Бергеру (1990:43), побуждает нас поставить под сомнение «обычный деловой подход к жизни, в котором человек существует в повседневности и который воспринимается как само собой разумеющийся». Суицид безусловно является темой непрекращающегося социологического интереса. Эпистемологические и теоретические дебаты, который Джэмисон упомянула в цитате, что находится в начале статьи, все еще продолжаются. В статье мы представили подход к исследованию суицида, который, как мы считаем, опирается как на традиции внутри социологии, которые явно близки естественно-научным исследованиям, так и на традиции, более свойственные гуманитарным наукам. Мы привели пример исследования социологической аутопсии, базирующийся на смешанных методах, учитывающих количественный подход – исследования, которое имитирует подход психологической аутопсии, но имеет прямую социологическую цель, охватывая как построение знаний по теме суицидальных случаев и вместе с тем ставя перед собой задачу прийти к объективным суждениям по поводу отдельных случаев суицида. Наша работа в первую очередь методологическая и не делает важных эмпирических заявлений. Однако мы кратко проиллюстрировали применение метода социологической аутопсии со ссылкой на гендерные аспекты и практики у мужчин. Иллюстрации указывали в частности на экономическую жизнь мужчин и личные взаимоотношения. Это те аспекты, которым уделяется более пристальное внимание в других работах по этой особой теме.

Благодарность

Исследование было спонсировано Исследовательским институтом экономики и социальных наук в Объединенном Королевстве, грант RES 576 25 5011, как демонстрационный проект в рамках QUALiti в Кардиффском отделении Национального центра исследовательских методов. Благодарим коллег из Кардиффа за критические замечания на протяжении проекта, а также Гари Алана Файна и Грега Димитриадиса за консультирование по проекту во время их посещения нашего центра. Спасибо также следователям и их подчиненным.

Литература:

- Agerbo, E., Stack, S., & Petersen, L. (April 2009). Social integration and suicide trends in Denmark, 1906e2006. Paper delivered to the annual conference of the American Association of Suicidology, San Francisco, CA.
- Atkinson, J. M. (1978). *Discovering suicide. Studies in the social organization of sudden death.* Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Berger, P. (1990). *The sacred canopy: Elements of a sociological theory of religion.* New York: Anchor Books. [1967].
- Bourdieu, P. (2001). *Masculine domination.* Cambridge: Polity.
- Canetto, S. S. (1992e1993). She died for love and he for glory: gender myths of suicidal behavior. *Omega: The Journal of Death and Dying*, 26(1), 1e17.
- Canetto, S. S. (1995). Men who survive a suicidal act: successful coping or failed masculinity? In D. Sabo, & D. Gordon (Eds.), *Men's health and illness: Gender, power, and the body* (pp. 292e304) Newbury Park, CA: Sage.
- Canetto, S. S. (1997). Gender and suicidal behavior: theories and evidence. In R. W. Maris, M. M. Silverman, & S. S. Canetto (Eds.), *Review of suicidology* (pp. 138e167). New York: Guilford.
- Canetto, S. S., & Sakinofsky, I. (1998). The gender paradox in suicide. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 28(1), 1e23.
- Cavanagh, J. T., Carson, A. J., Sharpe, M., & Lawrie, S. M. (2003). Psychological autopsy studies of suicide: a systematic review. *Psychological Medicine*, 33(3), 395e405.
- Chatterjee, P., & Bailey, D. (1993). False empowerment: lessons from three sociological autopsies of community action. *Case Analysis*, 3(2), 113e131.
- Chung, A. (2009). Gender difference in suicide, household production and unemployment. *Applied Economics*, 41(19), 2495e2504.
- Connell, R. W. (1995). *Masculinities.* Cambridge: Polity.
- Connell, R. W. (2002). On hegemonic masculinity and violence: a response to Jefferson and Hall. *Theoretical Criminology*, 6(1), 89e99.
- Coyle, A., & Morgan-Sykes, C. (1998). Troubled men and threatening women: the construction of crisis in male mental health. *Feminism and Psychology*, 8, 3.
- Coyle, J., & MacWhannell, D. (2002). The importance of 'morality' in the social construction of suicide in Scottish newspapers. *Sociology of Health and Illness*, 24(6), 689e713.
- Davis, G., Lindsey, R., Seabourne, G., & Griffiths-Baker, J. (2002). *Experiencing inquests. Home office research study 241.* London: Home Office.
- Douglas, J. (1967). *The social meanings of suicide.* Princeton: Princeton University Press.
- Duneier, M. (2006). Ethnography, the ecological fallacy, and the 1995 Chicago heat wave. *American Sociological Review*, 71, 679e688.
- Durkheim, E. (2002). *Suicide.* London: Routledge. [1897].
- Fincham, B., Scourfield, J., & Langer, S. (2007). Documentary data: single medium, multiple modes? *Qualitative Researcher*, 5, 2e4.
- Fine, G. A. (1997). Scandal, social conditions and the creation of public attention: Fatty Arbuckle and the 'problem of Hollywood'. *Social Problems*, 44(3), 297e323.
- Fine, G. A. (2007). The construction of historical equivalence: weighing the Red and Brown Scares. *Symbolic Interaction*, 30(1), 27e39.
- Gubrium, J. (1993). For a cautious naturalism. In J. A. Holstein, & G. Miller (Eds.), *Reconsidering social constructionism* (pp. 55e68). Hawthorn, NY: Aldine de Gruyter.
- Hjelmeland, H. (2008). What kind of research do we need in suicidality today? Keynote speech to the 12th European Symposium on Suicide and Suicidal Behaviour, 30th August, Glasgow, Scotland.
- Klinenberg, E. (2002). *Heat wave: A social autopsy of disaster in Chicago.* Chicago:

Chicago University Press.

Kushner, H. I. (1993). Suicide, gender, and the fear of modernity in nineteenth-century medical and social thought. *Journal of Social History*, 26(3), 461e490.

Langer, S., Scourfield, J., & Fincham, B. (2008). Documenting the quick and the dead: a study of suicide files in a coroners office. *Sociological Review*, 56(2), 293e308.

Law, J. (2004). *After method: Mess in social science research*. London: Routledge.

Mason, J. (2006). Mixing methods in a qualitatively-driven way. *Qualitative Research*, 6(1), 9e25.

Owens, C., Lambert, H., Lloyd, K., & Donovan, J. (2008). Tales of biographical disintegration: how parents make sense of their sons' suicides. *Sociology of Health and Illness*, 30(2), 237e254.

Payne, G., & Williams, M. (2005). Generalization in qualitative research. *Sociology*, 39, 295e314.

Pescosolido, B. A., & Mendelsohn, R. (1986). Social causation or social construction of suicide? An investigation into the social organization of official rates.

American Sociological Review, 51(1), 80e101.

Ragin, C. (1987). *The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies*. Berkeley, CA: University of California Press.

Redfield Jamison, K. (2000). *Night falls fast: understanding suicide*. New York: Vintage.

Robinson, W. S. (1950). Ecological correlation and the behavior of individuals.

American Sociological Review, 15, 351e357.

Sainsbury, P., & Jenkins, J. S. (1982). The accuracy of officially reported suicide statistics for purposes of epidemiological research. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 36, 43e48.

Scourfield, J. (2005). Suicidal masculinities. *Sociological Research On-line*, 10(2). <http://www.socresonline.org.uk/10/2/scourfield.html>.

Shiner, M., Scourfield, J., Fincham, B., & Langer, S. (2009). When things fall apart: gender and suicide across the life course. *Social Science & Medicine*, 69(5), 738e746.

Sibeon, R. (1999). Anti-reductionist sociology. *Sociology*, 33(2), 317e334.

Slater, G. Y. (2005). *Firearm suicide among older adults: A sociological autopsy*. Unpublished PhD thesis. Indiana University.

Stack, S. (2000a). Suicide: a 15 year review of the sociological literature: part I: cultural and economic factors. *Suicide and Life Threatening Behavior*, 30(2), 145e162.

Stack, S. (2000b). Suicide: a 15 year review of the sociological literature: part II: modernization and social integration perspectives. *Suicide and Life Threatening Behavior*, 30(2), 163e176.

Stack, S., & Wasserman, I. (2007). Economic strain and suicide risk: a qualitative analysis. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 37(1), 103e112.

Timmermans, S. (2005). Suicide determination and the professional authority of medical examiners. *American Sociological Review*, 70(2), 311e333.

Whitehead, S. (2002). *Men and masculinities*. Cambridge: Polity.